

Кладоискатели: теория и практика по магии Земли

Тай Чун

Вести это занятие Тай вызвался сам, хотя не в его привычке было ввязываться в групповые тренировки - тут нужно было много и качественно говорить, а немногословному Таю всегда было тяжело выцеживать из себя длинные монологи. Что, с учетом его нового назначения, нужно было как-то технично исправлять. И Тай исправлял, видя для этого возможности везде и всюду, начиная от групповых тренировок в монастыре, и заканчивая толпами необученных синих фонарей, прохлаждающихся без дела в связи с загруженностью триста двадцать шестых, которым пока было некогда воспитывать молодняк.

Для занятий по магии земли как нельзя лучше подходил дикий парк, куда Тай и направился за полчаса до назначенного времени, чтобы привести площадку, выбранную им для экзекуции начинающих, в порядок и боевую готовность. Практики должно было быть немного, учитывая группу, обозначенную им группой любителей, но мало ли, как повернется ситуация, а Тай предпочитал быть готовым ко всему заранее, чем лихорадочно соображать уже в процессе.

Закончив все приготовления, Тая прислонился к стволу ближайшей к нему вишни и начал ждать. Ему и самому давно пора было заняться своей ведущей стихией, изучив что-нибудь новое, но было все то некогда, то недосуг, то негде, и всегда находились более важные дела вместо того, чтобы заниматься саморазвитием и самообразованием.

Занятие для начинающих с уровнем от нуля до ученика включительно, начнем 11.02 вечером.

Игровое время - полдень, тепло, солнечно.

Ломэхонгва

Ломэхонгва не разбирается ни в магии Земли, ни вообще — в какой бы то ни было магии. То, что девочка проделывает на занятиях по шаманизму, в счёт не идёт. Ломэхонгва убеждена, что в этом случае за неё все чудеса делает кто-то другой. Кто-то, кого просто нужно правильно, достаточно уважительно об этом попросить.

А это уже просто умение разговаривать, это и не магия вовсе.

О том, что попросить сделать для тебя небольшое чудо того, кого ты никогда не видела, никогда не слышала, в чьё существование можешь только верить и о ком даже далеко не все знают, — это своего рода тоже очень большое и сложное дело, Ломэхонгва не задумывается. Для неё это что-то очень привычное, а потому очень естественное. Примерно как дышать и глотать — а ведь если разобраться пристально и детально, то наверняка может выясниться, что даже здесь всё вовсе не так уж просто.

Словом, девочка собирается знакомиться близко с магией впервые. И идея научиться понимать землю кажется ей очень славной и полезной. Правда, дальше

торчит пункт "и как управлять землёй". И именно этот пункт становится для Ломэхонгвы камнем преткновения. Девочка почти наотрез отказывается понимать, как это вообще можно: управлять целой землёй, которая ведь и сама по себе справляется великолепно. Достаточно же просто по сторонам посмотреть, чтобы в этом убедиться.

Но на занятии, наверное, должны объяснить, где и в чём Ломэхонгва неправда. В этом предположительно и весь смысл.

К месту проведения занятия босоногая Ломэхонгва приходит первой из учеников. Серьёзно кивает мастеру — в её по разным причинам скудном лексиконе это эквивалент вежливому "Добрый день", — а потом садится на корточки, обнимает колени руками и начинает терпеливо ждать. Долго в такой позе, конечно, не просидишь, но Ломэхонгва уверена, что долго ей и не потребуется.

Не настолько же рано она пришла, в самом деле.

Ярина Миненко

То, что стихия у неё пребывает в довольно плачевном, зачаточном даже состоянии, Ярина, в общем-то, всегда знала и даже скрыть никогда не пыталась. Но если, когда одесситка была ученицей, ее такое положение дел еще устраивало - подумаешь, звезд с неба не хватает каменной рукой, ну и что? кое-что же делать получается, и то уже праздник, - то вот сейчас, когда Ярина с таким усердием пыталась продемонстрировать, что она серьезная, умелая и вообще не за трогательные глаза ее в мастера взяли, носить за плечами такой позор и такой неряшливый хвост, как почти не развитая стихия, было просто непозволительно. Или владеть ею на пристойном уровне, или вообще отношения к ней не иметь, никаких позорных полумер. Отсечь от себя однажды пробудившуюся магию Ярина уже не могла, значит, надо было ее развивать, выбор очевиден. Групповое занятие для новичков было здесь очень кстати - одесситка по всем признакам опознавала себя как лопоухого новичка, так что туда ей была и дорога.

- Всем здравствуйте! - бодро сказала Ярина, ничуть не смущаясь тем, что с широким "всем" она несколько промахнулась, адресовав его всего двум людям. Девушка с улыбкой поклонилась Таю, бегло покосилась на сидящую на земле Ломэхонгву, но следовать примеру девочки не стала - не составила ей компанию в сидении на земле и даже спешить разуваться раньше времени, без команды, не стала. Хотя и подозревала, что последний жест как раз-таки может весьма пригодиться ей на занятии.

Валентин Давенпорт

Трагедия заключалась в том, что как раз когда Валентин твердо решил больше не разбрасываться по сторонам, а сперва как следует разобраться в том, за что уже взялся, коварная судьба-искусительница практически прямо под нос подсунула объявление о групповом обучении стихии всех желающих. И, во-первых, выбранная мастером для занятия стихия и так, на взгляд мальчика, была прекрасна сама по себе, не требуя никаких дополнительных аргументов в пользу того, чтобы немедленно начать ее изучать. А во-вторых, и это был далеко не главный, но неприятно щекочущий самолюбие довод: брат с сестрой уже начали изучать какие-то стихии, один Фельтин в семье ходил как пустой. Дарсия делала попытки под маминым руководством освоить воду, Эмиль, кажется, что-то такое мудрил с воздухом - почему бы не добавить в этот ряд еще землю? Почему нет, прекрасный

выбор.

До места проведения занятия Валентин добрался не так быстро, как мог бы, сперва дав задумчивого крюка по дикому парку - парк не так давно навел мальчика на одну любопытную мысль, но ее требовалось сперва как следует всесторонне обдумать, прежде чем пытаться обсуждать с кем-то другим, - но, даже вместе со всеми задумчивыми крюками, путь вышел не таким длинным, чтобы можно было опоздать. Выйдя наконец к нужному месту, Валентин вежливо поклонился всем присутствующим - и, увидев, что, по сути, группа как-то сама собой разделилась на две подгруппы, "стоим" и "сидим", примкнул ко второй подгруппе, пока более малочисленной. Сел на траву, оперся локтями на согнутые колени и замер в выжидающей позе "ученика старательного, терпеливого, одна штука".

Кристина Рейс

Поход на магию Земли к другому мастеру, когда до этого ты все время училась стихии только четко у наставника - это вовсе и не предательство, ничего такого. Это звучало и логично, и справедливо, и здраво, и еще как только не. Так что по всем статьям получалось, что ничего такого Крис не сделала, когда собралась на групповое занятие, проводимое не мастером Флетчером, а другим преподавателем. Значит, и чувствовать никакой неловкости девушка не должна была - но вот почему-то чувствовала. Как будто она шотландца взяла и бросила.

Хотя это глупость, конечно. Никого Кристина не бросала. Просто пошла посмотреть, как другой преподаватель будет рассказывать, вот и все.

Детей на занятии собралось неожиданно много. А с другой стороны, это выглядело довольно закономерно: кому ещё, как не детям, осваивать магию с нуля или около нуля. Кристина, по сути, и сама ещё была в значительной степени ребёнком, немногим старше Валентина - который, вот кстати, уже был здесь и восседал на траве с чинным видом. Почему-то так и думала, что этот персонаж здесь будет. Кристина дружелюбно сказала: - Здравствуйте, - после чего села на траву рядом с Валентином, подтолкнула мальчика локтем и протянула ему ладонь для рукопожатия. Мол, хоть я уже и заметно выросла, а ты ещё не совсем, я всё равно считаю, что мы можем быть славными корешами, знай это.

Маргарита Эрнандес

К земле Маргарита относилась более чем уважительно. Причем уважение это увеличивалось вместе с каждой новой добытой из земных недр искусными руками археологов и антропологов древней костью. Рыжей и самой не раз приходилось ковыряться в поисках чего-нибудь эдакого, благо Испания давно славилась немалым количеством стоянок древних людей. Только вот весь ее немалый опыт «полевых работ» словно куда-то исчезал, когда речь заходила не просто о земле, а о магии, позволяющей находить с этой стихией общий язык. И если при не слишком удачных попытках освоить магию Воды Рита чувствовала себя просто не слишком интеллектуально развитым индивидом, то любой даже самый простенький урок по магии Земли приближал ее к осознанию себя говорящим растением. Так что неожиданное для нее самой решение посетить групповое занятие, проводимое Таем, стало для рыжей чем-то вроде попытки доказать возможность эволюционного скачка из представителя флоры хотя бы на уровень ланцетника с его мозговым пузырьком.

На занятие Маргарита прибыла далеко не первой. В диком парке уже успела собраться разношерстная компания, большая часть из которой еще не достигла совершеннолетнего возраста. Поздоровавшись с присутствующими и с удивлением окинув взглядом выросших, как на дрожжах, Валентина и Кристину (причем последняя особенно впечатлила помнящую ее еще совсем ребенком испанку), рыжая встала немного поодаль, нарушая свой «эволюционный» план и «притворяясь» деревом. *Все-таки жизнь в монастыре не стояла на месте, а вот она, несмотря на уже не юный возраст и все полученные знания, не так уж далеко и ушла от нездорово активной девчонки с неумемной фантазией впервые ступившей на землю Линь Ян Шо какое-то кажущееся бесконечным количество лет назад.*

Эйнар Эспеланд

Эйнар по-прежнему видит главную свою проблему — *дурацкими каламбурами по залу: пли!* — в том, что он постепенно перестаёт видеть. Походы к целителям пока не внушают ни надежды, ни оптимизма. Лошадь в горах, и та, кажется, видит больше, чем Эспеланд, в последние дни замечающий тёмные пятна на и без того немилосердно узком поле зрения. В болезнях глаз юноша разбирается даже хуже, чем никак, но ему кажется, это — уже достаточно верный признак того, что его глазам осталось теперь совсем недолго.

Что пора изыскивать способы ориентироваться в пространстве иначе, не опираясь на зрение. На случай, если целители по той или иной причине так ему и не помогут, и дальше жить придётся в темноте.

И идея научиться понимать, что происходит вокруг, чувствуя, как на это отзывается земля, кажется для начала не такой уж и плохой. Особенно в свете того, что отчасти Эйнар уже что-то умеет и понимает. И ему кажется, это можно попытаться развить в полноценную замену зрению.

Для начала.

На то, чтобы добраться до нужного места в диком парке, Эспеланд запасливо откладывает целую прорву времени — ходит юноша теперь небыстро, тяжело понимая, что происходит вокруг него и где возникают какие препятствия. И, по-хорошему, присутствующих на занятии людей норвежцу надо бы приветствовать каждого по отдельности: охватить взглядом всех сразу можно только издали, откуда ещё не имеет смысла выкрикивать приветствия. Поэтому Эйнар персонально и вежливо здоровается с одним только мастером — да и на того сперва приходится "навестись", неуклюже вращая головой, как подслеповатая сова, — а разглядывать остальных учеников уже не рискует. Ибо сложно, долго, а на конкретную минуту — пока ещё и бессмысленно.

Доминика Лакруа

Попытки все же приобщиться к магии Доминика делала изредка и по большей части - нехотя, потому только, что ей на уши денно и ночью плотно приседала Эва, как оглоблей размахивая лозунгом "все вокруг колдуют, одна ты что дыня с глазами, а ну брысь учиться". Лакруа долго терпела, а потом послушно сделала "брысь" в направлении как раз объявленного группового занятия по магии Земли.

Хотя, если уж быть честной - когда разговор заходил о магии, Доминика была и сама

согласна справедливо определить себя "дыней с глазами". Магии в ней, по ее мнению, как раз примерно столько и было. Мастер-класс по прорицанию пока это подтверждал - тогда Лакруа не сумела выжать из себя ни единого полезного действия. И оснований полагать, что при работе с другой магией что-то изменится, было не видно. Ну, кроме разве что бесшабашного, полного надежды "а вдруг".

У остальных учеников, как бегло замечает Доминика, окидывая всех собравшихся торопливым взглядом, на лицах написано хоть что-то приличное. У кого-то терпеливая готовность трудиться, у кого-то - уверенность в своих силах, мрачная или, наоборот, радостная. В общем, все сплошь вменяемые эмоции. Одна Лакруа отсвечивала на лице бессмысленным вакуумом, который было даже толком и не спрятать. Если черты лица еще можно сложить в сколько-нибудь убедительную гримасу, то вот с глазами, в которых виден подозрительный рыбий блеск, уже ничего не сделаешь.

Разве только прийти в огромных солнечных очках на все лицо, но это уже попросту невежливо.

Доминика уважительно поклонилась, одновременно ощущая неловкость - вот же притащилась, пустая, как выпотрошенный орех, а ее даже выгнать за это не могут, так и будут через все занятие тащить волоком бессмысленное тело, - и пообещала самой себе, что будет стараться и вкалывать. Результат не обещает, зато обещает лютное усердие. Должно же это быть хоть сколько-нибудь равноценно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн пришел в дикий парк почти к самому началу занятия. Он боялся опоздать, но задержался на дежурстве: нужно было вымыть пол на веранде жилого корпуса. Сонгцэн потерял счет времени и опомнился, когда уже нужно было бежать. В итоге он наспех прополоскал тряпку, вылил воду под деревья у ручья, в котором вымыл руки, после чего бегом направился в дикий парк. Он оказался в назначенном для тренировки месте, когда там собралось уж довольно много учеников, и Чун Тай уже был там. Принц кобр вежливо ему поклонился.

- Добрый день, сифу Чун, - сказал он.

Чун Тай не был мастером, но говорили, что он хорошо знал магию Земли. Сам Сонгцэн эту стихию чувствовал довольно плохо и делал лишь самые первые шаги в её изучении. Но он знал, как полезна она для того, чтобы контролировать свои эмоции и свою волю. Особенно когда твоя мама - один из самых сильных магов Огня в монастыре. Да и не только в монастыре.

Сонгцэн выпрямился и постарался выровнять сбившееся от бега дыхание. Он был в форме ученика монастыря, а в ней в солнечный полдень довольно жарко, даже когда находишься под сенью деревьев дикого парка.

Тай Чун

Желающих оказалось больше, чем Тай рассчитывал, надеясь на свою репутацию нелюдимо-социопата, но, как выяснилось, подобными клише в монастыре давно никого не напугаешь и не удивишь, а посему оставалось только мысленно сделать ручкой надеждам на камерное занятие, еще раз пересчитать пришедших по головам и мысленно прикинуть, в какую сторону все это скатится, если вдруг со своей задачей учить и наставлять он не справится. Здороваясь с каждым вновь

пришедшим, Тай понимал, что особого выбора и выхода он себе не оставляет. Либо он просто справится со своим преподавательским дебютом, либо придется выложиться на все наличествующие в нем сто процентов упрямства и не без сложностей, но все равно достойно завершить сегодняшний эксперимент. Ну и в очередной раз определить для себя, что наставничество - не его стезя, потому что ненароком он может пришибить какого-нибудь нерадивого ученика.

Наконец, прождав еще пару минут после официального начала занятия в пользу возможных опаздывающих, Тай отлип от дерева, мельком поклонился толпе, обозначая свое приветствие, после чего выпрямился и сразу перешел к делу.

- Мое имя Чун Тай, если кто-то не в курсе. Я не мастер, поэтому меня можно и нужно называть просто по имени, опуская сифу, мастер и сяншен, - начал он ровным и не сильно выразительным тоном, флегматично скользя взглядом по собравшимся и ни на ком конкретно не останавливаясь, хотя посмотреть было на кого. - Мы начнем с теории и закончим практикой. Если кто-то с теорией уже знаком, может эту часть пропустить мимо ушей, но что лично я делать не советую, - он подкрепил твердость своих намерений выразительным молчанием. - Энергия стихии Земли красного цвета, по ощущениям она тяжелая, мощная, горячая, может казаться неповоротливой и кому-то даже неподъемной. Энергия сосредоточена в Муладхаре, копчиковой чакре, которая отвечает за жизненную силу человека и является основой инстинкта выживания, заложенной в реакции "бей-беги". Для использования энергии стихии Земли всегда нужен непосредственный контакт со стихией внешней, поэтому все следуем примеру нашей дальновидной молодежи и прикладываем пятые точки к земле.

Он первым невозмутимо уселся прямо на землю там, где стоял, хотя ему в меньшей степени требовалась тесная связь со стихией, чем остальным.

- Как у любой стихии, у Земли есть два ключа - внешний и внутренний, которые помогут лучше понять принципы и особенности этой упрямой стихии. Первый, внешний, это спокойствие. Все дружно подняли головы на верхушку горы, которую отсюда видно и подумали о том, с какими человеческими качествами у нас обычно ассоциируются горы. Ваши предложения?

Жду до 18.02. до вечера, там продолжаю. Если отпишетесь раньше - продолжим раньше, что будет весьма неплохо в рамках флешмоба.

Ломэхонгва

Если уж говорить совсем строго, то Ломэхонгва не совсем сидит всё то время, пока она сперва ждёт начала занятия, а потом внимательно слушает мастера. Чисто технически — опирается девочка всё-таки на ступни ног, а потому в каком-то смысле стоит, а не сидит, балансируя пятой точкой над самой травой. Но к тому, чтобы сидеть, это всё равно очень близко. Поэтому Ломэхонгва не очень понимает, можно её отнести к "дальновидной молодёжи" или всё-таки нельзя.

Разговор о чакрах, как всегда, представляет собой для девочки нечто туманное, то, что охватить и осознать мозгом пока не получается. Примерно как на занятии по шаманизму — там, судя по словам мастера, была вовсю пущена в дело фиолетовая

чакра, а только заметить и почувствовать этой работы у Ломэхонгвы так и не вышло. Поэтому чакра так и остаётся для девочки таинственным, непознанным механизмом, который непонятно как можно запустить по своей воле.

И даже хорошо, что сейчас разговор не продолжает крутиться вокруг этой темы, а делает небольшой виток в сторону. Можно не думать над двумя сложными вопросами сразу, а сконцентрироваться только на одном.

Легонько качнувшись назад, Ломэхонгва опрокидывается на пятую точку, окончательно и твёрдо переключившись в ряды "дальновидной молодёжи". С удовольствием вытягивает уже слегка затёкшие от сидения на корточках руки и ноги и начинает думать про горы. Про которые, в общем-то, девочке долго думать и нечего, мысль у неё возникает немедленная и вполне однозначная.

— Надёжность, — почти сразу же говорит Ломэхонгва. Берёт маленькую паузу, сама прислушиваясь к тому, как это прозвучало, и добавляет: — Верность слову. — Звучит всё равно немногим лучше, поэтому девочка добавляет и ещё раз: — Когда горы обещают индейцу защиту и покровительство, они его не оставляют и не забывают. Держат слово.

А вот так — вот так ответ уже можно оставить в покое, уже звучит неплохо.

Доминика Лакруа

Речь "не-мастера" Доминика выслушала внимательно - всё-таки вера в то, что она всё же может где-то что-то колдануть, была в ней убита ещё не полностью. А потому Лакруа уделила пристальное внимание каждому произнесенному слову - никогда не знаешь, какое именно слово станет волшебным ключом, отпирающим закрытую дверь, поэтому благоразумнее брать все, которые дают.

Первыми важными словами, конечно, стали слова "энергия" и "чакра". Нахмурившись, Доминика попыталась представить себе этот тяжелый, горячий и плотный сгусток энергии в основании позвоночника - который, по идее, должен там быть и так, просто исходя из общечеловеческого строения организма, но вот почему-то не откликается на попытки до него дозваться. Команда сесть пришла как нельзя более кстати. Доминика немедленно опустилась на землю, по-турецки скрестила ноги и продолжила свои попытки почувствовать отклик на стихию там, где должна быть чакра. Но в тот момент, когда девушке уже начало казаться, что она чувствует что-то, похожее на неторопливую, теплую пульсацию силы - да-да, звучит по-киношному и по-дурацки - пришла новая команда: смотреть на горы.

- А я вот слышала, что горы убивают людей, - сказала Доминика, глядя на далекую холодную вершину явно без той нежной преданности, с какой это явно делала говорившая первой девочка-индианка. - Эверест, например, этим печально знаменит. Хотя такими уж смертоносными издавна они не выглядят. Могу ли я приписать горам коварство?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн слушал Чуна Тая очень внимательно, ловя каждое слово. Тот объяснял очень просто, прямо и понятно. Сонгцэн знал, что Земля - это Муладхара, немного представлял себе ощущения от этой энергии, но все равно слышал в теоретических объяснениях много того, что расставило его представления о стихии Земли по местам. Он сел на землю, повинувшись указаниям мастера. Хоть Чун Тай и просил его так не называть, все равно он вел занятие, и потом у представлении принца Кобр был мастером.

Вершина горы была хорошо видна над макушками деревьев. Она была местами серая, местами с красноватыми прожилками, и её венчала ставшая совсем небольшой к лету снежная шапка. Но ведь вершина - это лишь незначительная часть горы, сама гора огромна и является частью всего Тибетского плато, крупницей на фоне всей этой каменной громады.

- Горы постоянны, - сказал Сонгцэн. - Вокруг все очень быстро меняется за то время, что они остаются почти неизменными.

Эта гора наверняка видела много поколений людей. а то и предков, от которых люди произошли. Она застала растения и животных, которых уже в помине нет, и видела, как сюда приходили новые.

Маргарита Эрнандес

Благодаря времени, проведенному в местной библиотеке, Маргарита успела перелопатить какое-то безумное количество трактатов про чакры и их работу, а некоторые из полученных знаний даже успешно применить на практике. Так что теоретическая часть запланированной культурной программы была ей вполне понятна. Интерес для нее представляла, в большей степени, не сама теория, а ее трактовка Таем. Рыжей казалось, что каждый маг обогащает сухие строчки, которые может прочитать любой, своим уникальным опытом, позволяя ученику погрузиться в таинственный, но прекрасный мир стихийной магии.

Послушно усевшись на землю, Рита продолжила внимать объяснениям их сегодняшнего преподавателя. Дальше речь зашла о ключах к стихии, и испанка с сожалением подумала, что информацию, касающуюся Земли, которой так любезно поделился на одном из занятий мастер Айро, она умудрилась пропустить, сосредоточив все внимание на близких ей стихиях. Поэтому оставалось только порадоваться появившейся у нее уникальной возможности заполнить пробел в знаниях.

Вопрос Тая не слишком удивил любознательную обительницу монастыря, но заставил на какое-то время погрузиться в раздумья, давая возможность другим участникам занятия высказать свое мнение по этому вопросу.

- Стабильность, - произнесла Маргарита, когда до нее дошла очередь. – Абсолютно согласна с Сонгценом в том, что касается неизменности гор по отношению к тому, что их окружает. Только вот если смотреть на все в масштабах истории самой планеты, все становится не таким однозначным.

Выбор профессии во много определил взгляд девушки на окружающую действительность и заставил оперировать в голове даже не тысячами, а миллионами лет. А под воздействием неумолимого времени даже горы не могли оставаться неизменными, хотя, стоит заметить, им это удавалось намного лучше, чем сделанным из мяса любителям порассуждать о стабильности и изменчивости.

Эйнар Эспеланд

Эйнар с теорией знаком нечётко, поэтому пропускать мимо ушей не настроен ничего. До сих пор норвежец определял для себя суть чакры, опираясь в основном

всё больше на свои сомнительные, хрупкие ассоциации — и теперь ему интересно, насколько эти ассоциации были верны. В чём он прав, а в чём ошибается.

Ну что ж тут скажешь: в чём-то прав. В чём-то — ошибается.

Тяжёлая — да. Горячая — да. Неповоротливая... Эйнар обычно говорит "густая" и не уверен, что это полноценный, полноправный синоним тому слову, что называет Тай. Эспеланд и новое определение запоминает, и своё не забывает. От того, что они будут вместе сосуществовать у него в голове, взаимно друг друга дополняя, хуже стать не должно.

Сидеть Эйнару чуть сложнее, чем стоять — юноше приходится более отчётливо вертеть по сторонам шеей и всем корпусом, когда его просят обратить взгляд туда или сюда. В частности, именно по этой причине Эспеланд начинает смотреть на горную вершину и думать о горах несколько позже, чем все остальные. Соответственно, и говорить норвежец начинает позже, не только потому, что отстаёт, но ещё и потому, что первый ответ, который приходит в голову, уже успевают произнести до него, и нужно придумывать что-то другое. Причём срочно, потому что чем дольше тянешь, тем больше шансов, что вообще все ответы разберут. А спешка ясности мыслям не прибавляет.

— Независимость, — осторожно предлагает Эйнар, сам не очень понимая, какой и чей именно ответ он раскручивает дальше и доводит до следующей стадии. То ли постоянство гор, с которым они, несмотря ни на что, день за днём находятся на одном и том же месте, — это как раз элемент постоянства. А может быть, то, что здесь называют коварством гор, в каком-то смысле можно и трактовать как элемент нежелания пускать кого попало к себе на макушку. Чтобы они оттуда ноги свешивали, да ещё и флажки туда втыкали, как будто свою собственность метят.

Валентин Давенпорт

Кажется, всеобщие занятия в монастыре всегда начинаются с теории. Во всяком случае, у Валентина, исходя из его довольно скромного опыта посещения всеобщих занятий, в голове успел сложиться именно такой шаблон. И сегодня этот шаблон только окреп: вот да, все правильно, первой частью идет теория. Никаких отклонений от стандартной (вроде бы) схемы.

Первым делом Валентин серьезно выслушал все, что проводящий занятие мастер был готов рассказать ему в части теории. Выслушал, запомнил, принял к сведению и постарался максимально понять - насколько это сейчас было возможно, без сопоставления с живой чакрой. Потом, по ходу занятия, чакра, наверное, все же пробудится, запомнится каким-то ощущениями, и можно будет понять теорию по второму кругу, уже более основательно. Потом Фельтин все так же серьезно выслушал чужие ответы - кто-то говорил коротко, кто-то длинно, и даже единого положительного мнения в отношении гор у всех не было.

- Твердость, - коротко сказал Валентин, вкладываясь в общий список. Мальчик считал, что это не только свойство камня, по которому стучишь, а он не прогибается, но и вполне человеческое свойство характера. Опять же, ты по нему стучишь, а он не прогибается. По человеку или по характеру - не важно, суть всё одина.

Ярина Миненко

Ярине почему-то было очень приятно снова ощущать себя учеником. Не взрослым мастером, до которого она кое-как доросла и дослужилась, а снова, как прежде -

зеленой, желторотой, ничего толком не умеющей. Было в этом какое-то необъяснимое, непередаваемое очарование.

Теорию одесситка дисциплинированно не стала пропускать мимо ушей, хотя это все в целом было ей понятно и знакомо. Но вдруг - волшебное слово, которое заставляет из всех напрягать уши порой даже и там, где ты считаешь себя уже знатоком. А вдруг промелькнет какая-то новая трактовка, которой Ярина доселе не слышала? Прозвучат какие-то новые слова, которые все представление о чакре с ног на голову перевернут?

Присоединяясь к мудрой молодежи, которая, хоть, скорее всего, и неосознанно, показала себя еще перед занятием самой понимающей и дальновидной, Ярина тоже села на землю и послушно посмотрела на далекую горную вершину. В чем-то рыженькая одесситка оказалась схожа с девочкой-индианкой: в голове у одесситки этот пейзаж тоже сразу вызвал к жизни четкую, неоспоримую и предельно истинную мысль.

- Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал! - отчеканила Ярина, вольным переводом на путунхуа цитируя великого поэта. И пояснила: - В горах есть притягательность. Недаром же люди туда так рвутся.

Кристина Рейс

Кристина со своим ответом дотянула до того, что осталась отвечать последней. Вот что значит - расслабилась. Позволила себе на какое-то время почувствовать себя умной, смысленной, понимающей. Да так где-то в этом состоянии и зависла, и вот все поехали вперед, а Кристина еще только догоняла, поспешно подшивая куски информации один к другому и собирая их в голове в какую-то более-менее приличную систему.

Чакра, красная? Да-да, это Муладхара и это внизу, слышала, когда садишься на землю, практически на ней и сидишь. *Инстинкт выживания и жизненная сила?* Кажется, тоже что-то такое слышала, но для верности лучше это крепко запомнить и сверх того подчеркнуть красным карандашом. Дважды. Жирно. *Тяжелая, горячая* - да-да, это все Кристина, которой уже приходилось работать с магией Земли, твердо помнила на собственном опыте. Хорошо, эти все моменты понятные, теперь надо подумать про *горы*.

- Я думаю, здесь хорошо подойдет слово "непоколебимость", - сказала Кристина. - Не обязательно в том смысле, что человек твердо стоит двумя ногами на земле и не шелохнется - точно так же можно стоять и на своем мнении, на своих убеждениях и привычках. И не поддаваться, когда пытаются подвинуть и перековать. Непоколебимо.

Тай Чун

Внимательно выслушивая ответы учеников, Тай иногда кивал в подтверждение особенно удачным мыслям, по ходу дела давая комментарии, краткие и не очень.

- Надежность - хорошее определение, - заметил старший из близнецов в ответ девчонке, явно имеющий к индейцам не самое последнее отношение, - и верность слову. Именно Земля никогда не бросает слов на ветер, а уже если обещает, то всегда свои обещания выполняет. И она думает перед тем как что-то обещать,

чтобы не оказаться впоследствии голословной, - говорить о качествах Земли пока еще просто - можно заглянуть вглубь себя, потом посмотреть со стороны, составить портрет и оговаривать его, чтобы не приходилось мучительно подбирать слова

- Люди вообще мрут от чего угодно, - ответил Тай, когда кудрявая смуглая девица обвинила горы, сейчас выглядящие вполне себе мирно и безобидно в смертельной опасности. - По большому счету, коварство можно приписать к любой стихии - люди тонут, сгорают в пожарах, задыхаются без воздуха и, конечно, пропадают в горах, сорвавшись в какую-нибудь расщелину. Но как отдельное качество коварство - это вода, ровная и спокойная гладкая поверхность, в глубине которой может притаиться что угодно. Обманчиво крепкий лед на озере, который ломается при первом же шаге, увлекая на дно. Можно сказать, что горы и земля, соответственно, не терпят людей слабых, не приспособленных к трудностям. В этом заключается их так называемое коварство. Но скорее непримиримость или, как заметил Эйнар, независимость, это тоже можно применить к нашим горам. Действительно, в северных горах постоянно попадают кости тех, кто не смог справиться со стихией. Так что будьте аккуратны, если вдруг вам приспичит прогуляться по пещерам.

- Постоянство и стабильность, да, два слова примерно одного и того же, и, все же, оговорюсь, что согласен с Маргаритой, несмотря на внешнюю неподвижность - спокойствие, даже земля способна двигаться. Она меняется, но делает это не очень охотно, для не важнее сохранить то, что у не уже есть, беречь то, что уже имеет. Про твердость, думаю, не стоит ничего пояснять, все говорит само за себя. Еще упорство и иной раз упрямство тоже можно сюда приписать. Притягательность можно заменить загадочностью и желанием покорить неподдающееся с первого раза, но смысл останется тем же. И, наконец, непоколебимость - умение стоять на своем до последнего, следовать своим убеждениям, идеалам и принципам. Вы все оказались правы, описывая внешний ключ Земли, это то, что бросается в глаза на первый взгляд. Теперь поговорим о внутреннем. Внутренний ключ стихии - это то, что определяет мотив человека, владеющего стихией земли. У нее это Надежда. Из нее появляются все те качества, которые определяют ключ внешний, дающий первое представление о стихии. Что для каждого из вас надежда? На что вы надеетесь? Я не буду настаивать на ответе вслух, если это что-то личное, но подумать об этом нужно все равно. Если у кого-то есть мысли, которые он готов донести до всех - милости прошу.

До 10. 03, потом постараюсь продолжить.

Доминика Лакруа

Доминика виновато пожала плечами - она и сама уже, выслушав ответы всех остальных учеников, догадалась, что погребла куда-то совсем не туда. Вот прямо принципиально не в ту сторону. Француженку это, конечно, расстроило, но в целом - не удивило. У Доминики отношения с магией всегда были примерно такие, сложные. Не понять все, что только можно не понять, не увидеть все, что только возможно не увидеть, и неважно, что самоцель - не показать себя на занятии совершенной дурочкой со всех сторон, а как раз наоборот. И теперь Лакруа сидела, преданно впитывала в себя чужие правильные ответы напополам с комментариями мастера, старалась все это осознать, запомнить и как можно полнее пропустить через себя. Вдруг еще не поздно как-то одуматься, что ли, выгрести из болотины и вылезти на

правильную, прямую тропинку.

Если это было достаточно сильно и масштабно, чтобы подходить под мотив, надежды, чаяния и желания, то с внешним ключом стихии у Доминики не должно было возникнуть больших проблем. Девушка надеялась вот прямо сейчас - на то, что она исправится, освоится, все у нее со стихией срастется и хоть с какой-то магией найдется пусть слабый и неустойчивый, но общий язык. Все лучше, чем так, как вышло с прорицанием, когда вся магия пролетела мимо, а Лакруа так и не сообразила до сих пор, где и в чем ошиблась - да и ошиблась ли вообще, может, ей просто в таком таланте отказано.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задумался о том, что для него означала Надежда. Что он окажется достоин того титула, что получил по праву рождения. Что сдаст экзамен, что окажется достаточно умелым, чтобы ни у кого в обоих кланах не возникло мысли, что он недостаточно хорош. Что он не недокобра и недотигр, а он - Сонгцэн Кэйлаш Садхир Иша Джиотиш - наследный принц, имеющий право на свой статус. Что у него есть таланты, что отличают его и от Кобр, и от Тигров, но что кланы могут рассчитывать на то, что он будет биться за них до последней капли крови, тем не менее, предпочтя найти способ жить, а не умирать. Не столько для себя, сколько для преданных кланам воинов.

В этих надеждах не было ничего, что Сонгцэн был бы готов обозначить вслух. Он промолчал, погрузившись в свои мысли, но Чун Тай и не настаивал на том, чтобы эти мысли были произнесены вслух.

Земля давала опору. Она давала силы надеяться, и для Сонгцэна это было важно. Сейчас он понял, что эта тренировка дала ему важную подсказку.

Ломэхонгва

Каждый раз при слове "ключ" Ломэхонгва невольно мешкает, пытаясь этот самый ключ представить себе как нечто материальное, что можно взять в руку. И каждый раз девочке приходится, цепляясь за окружающие "ключ" другие слова, старательно напоминать себе, что нет, материальной вещи вовсе не имеется в виду. Даже если думать, что где-то в душе (точнее, где-то около чакры, поправляется девочка, но это путает её ещё сильнее) находится замочная скважина, даже две, к которым эти ключи должны подойти, чтобы к самой чакре можно было прикоснуться, — всё равно это сложно, путано и не подходит.

Внутренний ключ — надежда, мысленно повторяет Ломэхонгва. И ищет, старательно ищет, как привязать его к земле. Если внешний ключ для неё привязан к стихии с максимальной очевидностью, то для внутреннего такая же железная и неоспоримая связь появляется не сразу.

Но, кажется, всё же появляется.

— Пока живу — надеюсь, — говорит Ломэхонгва, но говорит скорее вопросительно, чем утвердительно. Для девочки это не собственная мысль, но где-то подслушанная фраза, кажется, очень известная. С помощью этой фразы Ломэхонгва мгновенно и уверенно добывает логическую цепочку до самого конца: если красная чakra — это как жизненная энергия, а надежда возникает из самой жизни, то получается, что

энергия Земли действительно неразрывно связана с надеждой, и это Ломэхонгве уже проще понять и запомнить. — Это ведь кто-то сказал? — Слова "знаменитый" или "известный" на китайском Ломэхонгва не знает, поэтому отважно выбрасывает его вообще. И надеется, что её поймут и так.

Вот, кстати — *надеется*.

Маргарита Эрнандес

От внешнего ключа они плавно перешли к ключу внутреннему, и здесь, даже для достаточно опытного человека в стихийной магии, такого как Маргарита, было откровением узнать, что это надежда. Рыжая никогда не смотрела на стихию земли с этой стороны и, может быть, именно в этом и была ее основная ошибка.

Маргарита редко делилась с окружающими, если они не являлись для нее близкими людьми, своими чувствами. Так что о своих надеждах предпочла не распространяться, ограничившись лишь мыслями на эту тему. *Что для нее значило слово «надежда»?* Наверное, это было что-то вроде маленького островка той же самой стабильности, вокруг которого закручивался вихрь событий ее жизни. И пока этот островок существовал, девушка была готова двигаться дальше и дальше, несмотря на встречающиеся на пути трудности.

На что она надеялась? В первую очередь на то, что ей хватит сил, чтобы воплотить все задуманное в жизнь. Маргарита не сомневалась, что, при желании, сможет достигнуть любой цели, но вот только не была уверена в неисчерпаемости собственных ресурсов. Даже ее, кажущаяся безграничной, энергия когда-нибудь должна была закончиться, и это ставило перед рыжей проблему непростого выбора между своими многочисленными желаниями.

Тай Чун

На этот раз высказавшихся оказалось не в пример меньше, но Таю оставалось только принять этот факт и понадеяться, что остальные выполнили его задание про себя, умолчав о своих мыслях, а не бездумно провафляли упражнение, решив под шумок прикинуться ветошью.

- «Пока дышу — надеюсь», - кажется, языковой барьер мешает маленькой наследнице индейских культур объяснять все именно так, как она думает внутри себя, но минимума слов оказывается, как ни странно, достаточно, чтобы Тай, тоже не любитель облекать свои короткие мысли в длинные слова, ее понял и кивнул в ответ. — Это расхожее латинское выражение, и его авторство определить довольно трудно. Его можно трактовать двояко: с одной стороны, надежда жива, пока жив человек; с другой, человек жив, пока на что-то продолжает надеяться. Это действительно хорошо проясняет суть стихии Земли.

Об основах и ключах поговорили, мыслью по дереву растеклись, теперь можно переходить к практике, иначе занятие грозит растянуться до бесконечности, что будет бессмысленно и бесполезно.

- Теперь, когда вы знаете о внутреннем и внешнем ключе, закончим с теорией и займемся практикой. Вы все прекрасно сидите, теперь проверьте, чтобы пятая точка

соприкасалась с землей, и, если у кого не соприкасается, соприкосните. Ладони кладете возле себя на землю – это вам дополнительные точки соприкосновения. Муладхара, чакра красного цвета, чакра магии Земли, располагается в основании позвоночника. Закройте глаза и попробуйте ощутить в себе эту энергию, тяжелую, тягучую, горячую, медленную, а затем постарайтесь понять, какова энергия, идущая к вам от той земли, на которой вы сидите, и сравните эти ощущения. Что у них общего, а в чем они разнятся? Ответы можете держать в своей голове, если кто пожелает высказаться – препятствовать не буду.

От обильного говорения у Тая начало побаливать горло и с непривычки садиться голос. Если все преподавание предполагает столько слов вслух, то в гробу он это видал, ему статус мастера и даром не нужен. А синих фонарей гонять много умных слов не требуется, можно ограничиться и приказами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн удобнее сел на земле и положил ладони на почву. Он закрыл глаза и постарался отвлечься от всего, что не касалось задания Тая и энергии Земли. Энергия Муладхары, что копилась в основании позвоночника, была тяжелая и горячая, как кровь. Она давала силы выживать, она заставляла кровь бурлить от адреналина, который требовал бежать или драться, с ней начиналась жизнь.

Красная энергия чистой стихии, что ощущалась ладонями, была источником этой силы. Она относилась к ци Муладхары как плодородная почва к только что проросшему из семени дереву. Стихийная энергия, питая Сушумна-нади, трансформировалась в новую форму, и все же оба вида ци были одной природы.

Задание было сложным и очень интересным для Сонгцена. Он лучше понимал суть стихийной магии, то, как родственная энергия позволяла восполнять силы, как природная ци заполняла соответствующие ей чакры в живом организме. Ци, которой была наполнена почва Тибетского плато была основой для ци Муладхары. И в то же время по одной воле человека этот процесс можно было обратить, заставив ци Муладхары управлять энергией чистой стихии, растворенной в почве.
